

ЦИРКА

ШВЕЦИЯ - РОССИЯ: ПОПЫТКА БЫТЬ ПОНЯТЫМ

№ 16 1996

19-23 августа 1996 года недалеко от Гетеборга в местечке Сэм, где находится имение профессионального знатока и любителя русской поэзии Ларса Эрика Эбера и других) в работе семинара участвовали и поэты: Гуннар Д.Хансон, Анн Едерлонд, Ольга Седакова, Михаил Айзенберг и Сергей Лейбград, он же редактор "Цирка "Олимп". Пять дней в просторной гостиной хозяина усадьбы, недвусмысленно напоминающей о золотом аристократическом веке русской культуры, в двухязычном исполнении звучали стихи, велись беседы и дискуссии о современной поэзии наших стран, разбирались нюансы и возможности скользкого-нибудь адекватного преобразования и существования известного своим переводами шведских прозаиков и драматургов и, прежде всего, Августа Стриндберга. Это ее поэтический дебют. Гуннар Экелев, Тумас Транстремер и Анн Едерлонд - своего рода ось, соединяющая разные периоды истории шведской поэзии XX века. Экелев - классик шведской литературы, писатель аккумулировавший в своем творчестве потоки традиционного национального искусства и отчаянные, беспощадные искания европейского авангарда. Транстремер - лидер и в какой-то мере патриарх поэзии шведской литературы, "прозрачный философ" и оригинальный лирик, чье присутствие в шведской словесности сопоставимо с присутствием в русской Иосифа Бродского, при том, что это, конечно же, совершенно разные поэты. Анн Едерлонд еще очень мала, может быть, ее лучшие стихи еще впереди. Однако уже сегодня о ней говорят и пишут как о надежде шведской поэзии. После многих лет своеобразного "табу" на силлабо-тоническую ритмику, она естественно и уверенно пишет белым стихом, точно и чисто передавая безумие и нежность современного мира, свободно и мастерски сочетая импрессионистическую технику, сюрреалистическую метафорику с непридуманным и неподдельным лирическим настроением.

С.Л.

ГУННАР ЭКЕЛЕФ

ДИВАН

Дева! Жажды
Воды из Рук твоих...
Дева Утоленья
Ты - Дева Тоски
Ничьей
Словно она Чья-то
Ты - Дева Бедности
Твое одиночество - наша надежда
что только мы - предмет твоих
печалей и забот

* * *

Легко родиться:
Ты - это ты
Легко умереть:
Ты - больше не ты
Могло бы быть наоборот
как в зазеркальном мире:
Смерть родила б тебя
и то и другое возможно -
И, может, оно так и есть:
Из Смерти ты вышел, Жизнь
медленно сводит тебя на нет

ПОЭТИКА

Тишине ты должен внимать
тишине за апострофами, аллюзиями
тишине в риторике
или так называемом формально
совершенном
Это поиски отсутствия смысла
в том, что смысл полно
и наоборот
И все, что я так искусно пытаюсь сочинить
по контрасту есть нечто безыскусное
и наполненность вся пуста
То что я написал
написано между строк

ТУМАС ТРАНСТРЕМЕР

ВЕЧЕР - УТРО

Парус смялся, мачта сгнила и.
чайка вдаль парит над водой, напившись.
Пирс обуглен, тяжесть квадрата. В теми
гнется кустарник.

Вон из дома. Бьется рассвет в гранитный
мол морской и солнце искрится рядом
с миром. Боги летние в дымке моря
ищут дорогу.

НА ПРИРОДЕ

Поздней осени лабиринт.
У входа в лес брошена пустая бутылка.
Войди. Лес в это время - покинутые, тихие
комнаты.
Лишь отдельные звуки: словно кто-то
осторожно
переносит пинцетом

ветки
или тихонько скрипит дверная петля
в толстом стволе.
Мороз дохнул на грибы и они

сморщились.
Они похожи на вещи и тряпки, оставшиеся от
пропавших.
Вот спускаются сумерки. Надо успеть выйти
и увидеть свои отметки: ржавый плуг
в поле
и дом на другом берегу озера, красно-белый
квадрат плотный
как бульонный кубик.

II

Письмо из Америки заставило меня
действовать, выгнало
светлой июньской ночью на пустынные улицы
окраины
в новорожденные кварталы без памяти,
холодные как чертежи

Письмо в кармане. Смятенно яростное
блуждание, это вроде
молитвы.
У вас зло и добро воистину имеют лица.
А у нас, в основном, лишь борьба корней,
цифр, дней.

Порученцы смерти не боятся дневного света.
Они управляют из застекленных этажей. Их
мириады в солнечной
дымке.

Перегнувшись через прилавок, они верят
головой.

Далеко-далеко я случайно останавливаюсь
перед новым фасадом.
Множество окон сливается в одно окно.
Оно отражает свет ночного неба и шествие
крон.
Это зеркальное озеро без волн, устремленное в
ночь лета.

Насилие кажется нереальным
на короткий миг.

ФОРМУЛЫ ЗИМЫ

III

В кровати своей я заснул
а проснулся под килем

Утром в четыре
когда кости белые бытия
друг с другом общаются холодно

Среди ласточек я заснул
а проснулся среди орлов

II

При свете фонаря лед дороги
блестит как сало

Это не Африка
Это не Европа
Это нигде это "здесь"

И то чем было "я"
всего лишь слово
в устах декабря мрака

III

Больницы корпуса
красуются во тьме
и светятся как телевизоры

Незримый-камертон
в великой стуже
звук свой издает

Под звездным небом я стою
и чувствую как мир
снует в моем пальто
приняв его за муравейник

IV

Три черных дуба торчат из снега
Они грубы но расторопны
Из их громадных бутылей
зелень вспенится весной

V

Автобус ползет сквозь зимний вечер
Светится словно корабль в хвойном лесу
где дорога - узкий бездонный мертвый канал

Пассажиров мало: пара стариков да пара
юнцов
Остановись он и выключи фары -
мир исчезнет

АНН ЕДЕРЛОНД

* * *

Белый звон крапивы листьев
После ночи вверх крапива
Возле дома гнется вниз
Красный овин и молчанье
Каждой ночью новый шаг
Вверх крапивы у могилы
Чудны у стены шаги
Грубо дрожь осины слышу
Вижу листьев их изнанку
Тянет глубже глубже вниз
Чудна жестка та крапива
Через зелень бедра листья
Тоже клонят меня вниз
И спесь бабочки я слышу

* * *

Белы ввысь крапивы листья
Белы ввысь они над камнем
Мертвые жестки чудны грани
У стены овина красной
у овина красной грани
Тонки темны белы ввысь
Жестки грубы чудны мертвые

* * *

Звуки ходят пусто в доме
В клочья порваны обои
Из минувшего в сейчас
Сине-белые полоски
Дымка человечьих звуков
Тихий вздох а может крик
И со стен текут полоски
звуки пусты в доме том
Пахнут синью те полоски
Колокольцы бой часов
Шорох изнутри полосок
Ярки сини колокольца
Колокольца чудны там
Нежны стены чудны там
Слышен рядом слышен шорох
В стенах рядом слышен шорох
Света отблеск на полу

Переводы Александры Афиногеновой